

Борис Акунин врубился в жизнь

Классик массовой литературы переписал Достоевского

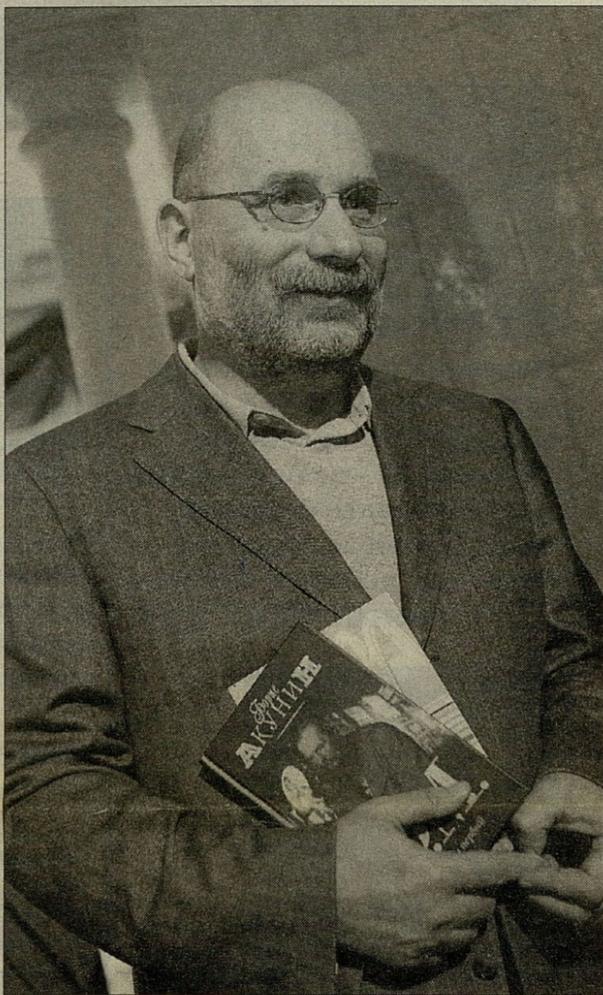
В ПЕРВОМ ЧТЕНИИ

В московском элитном клубе «Граф Орлов» состоялась презентация нового романа Бориса Акунина «Ф. М.» (издательство «ОЛМА-пресс»). Это своеобразный ремейк романа Достоевского «Преступление и наказание», наиболее известного широко читателю по простой причине: роман этот почему-то был обязательным в школьной программе в советское время.

Почему? – вопрос интересный. Почему не «Подросток», казалось бы, более близкий по теме для подростков? Но на самом деле, о киды в а взглядом творчество Достоевского, понимаешь, что советская школа поступала правильно. «Преступление и наказание», во-первых, самая фабульная вещь Достоевского, то есть произведение с четким и понятным сюжетом. Во-вторых, она достаточно легко и внятно интерпретируется идеологически. Совершил преступление – получи наказание. Не накажут со стороны, будешь казнить себя сам, если совесть в тебе жива. И так далее. Просто и для учителей, и для учеников, хотя, разумеется, и не исчерпывает всей реальной глубины романа.

Вопрос, почему Борис Акунин взялся «переписывать» именно «Преступление и наказание», тоже не менее интересный. Во время презентации автор признался в особой любви к Достоевскому (еще к Чехову, но «это по другим причинам»), который его необыкновенно «заводит». Своей главной задачей Борис Акунин считает игровое столкновение современной массовой литературы и классики с тем, чтобы выяснить: какая из литератур сегодня круче и жизнеспособнее.

Это очень любопытное признание, как и то, что Бо-

«Я люблю, когда фикция становится фактом».

ФОТО ИТАР-ТАСС

рис Акунин, оказывается (цитирую его по памяти), любит такую «литературу, которая вторгается в жизнь». По-моему, большинство собравшихся в клубе журналистов пропустили это высказывание современного масс-классика мимо ушей. На самом деле это было едва ли не самое важное, что он сказал на презентации. Все остальное была милая бутафория.

Например, демонстрировали топор (с кровью и прилипшими к ней волосами), которым Раскольников теоретически убивал старушку-процентщицу. Кто-то из журналистов засомневался: «Топор Раскольникова был удобен». «А вы сами попробуйте», – пошутил Борис Акунин, лукаво указывая взглядом на бутафорский топор. И так далее. Мило спел Борис Гребенщиков, не объявленный в программе и явившийся, видимо, «поддержать друга». Одна из песен начиналась соответствующе: «Когда Достоевский

был ранен...» И дальше про то, как жизнь ему спасал пьяный хирург.

Все это достаточно мило и смешно, и вообще презентация безусловно прошла успешно, по крайней мере, я давно уже не видел таких живых книжных презентаций. (Кстати, это первая презентация Бориса Акунина, до этого он воздерживался от публичных встреч с широкой журналистской аудиторией. Напрасно, у него есть для этого все данные. Не меньше, чем у Радзинского.)

Однако вернемся к «вторжению в жизнь». Как же так? Все эти годы Григорий Чхартишвили клятвенно заверял нас, что его проект под названием «Борис Акунин» не имеет к серьезной литературе ни малейшего отношения! Это была его четкая позиция, с которой можно соглашаться или нет, но она была. По сути, Борис Акунин вернул литературе право, в котором ей отказал еще Белинский, издававшийся над формулой «писатель пописывает, читатель почитывает». Два века, XIX и XX, русская литература только тем и занималась, что выполняла какое-то «задание», несла некую «миссию»: защищала «маленького человека»,

спасала русский народ, участвовала в революции (или наоборот – в реакции), строила коммунизм и боролась с ним же. И вот пришел Борис Акунин и заявил: хватит! Читатель должен получать от писателя качественное «чтиво», вот вся его «задача».

Опять-таки повторяю: можно с этим соглашаться или нет, но Акунин предложил свои правила игры, и они были приняты.

И вот, оказывается, литература все-таки должна «вторгаться в жизнь». Вспоминая бутафорский топор, переиначим фразу: «врубаться в жизнь».

Кстати, формула-то эта ницшеанская. Это Ницше писал, что искусство есть жизнь, которая сама врезается в жизнь. Эта формула была охотно поддержана Максимом Горьким и всей советской литературой, хотя Ницше при этом уже, разумеется, не упоминался.

Неужели с Акуниным произошел нравственный переворот?

Я полагаю, что здесь случился банальный переход количества в качество. По мере тиражирования романов Акунина, при неизменно высокой его популярности Борис Акунин неизбежно стал частью нашей жизни. Из частного проекта он, может быть, не по воле автора стал проектом, как бы то ни было, национальным. На презентации Борис Акунин сказал загадочную фразу: «Я люблю, когда фикция становится фактом». Акунинский проект – это фикция, которая стала серьезным социальным и культурным фактом. И опять: можно этот факт любить или не любить, но его нельзя не признать. Писатель, «окормляющий» своими романами миллионы читателей, это уже не игра или, по крайней мере, игра всерьез. И Борис Акунин, по-моему, стал это понимать.

Фикция по имени Эраст Фандорин стала серьезной частью массового сознания. Как Буревестник Горького в начале века. Как Иван Денисович Солженицын в 60-е годы. Или вы мне назовете другого современного литературного героя, реально владеющего умами читателейских масс?

Сомневаюсь. Думаю, что Борис Акунин создал проблему прежде всего для самого себя. Наступило время, когда за «фикцию» надо отвечать. И здесь одними мильями «приколами» вроде бутафорского топора Раскольникова не отделаешься.

ФЕСТИВАЛИ

Русские идут

17 мая откроется Каннский фестиваль, 19 мая пройдет Русский день в Канне

Лидер фестивального движения, главный мировой кинотеатр и признанный открыватель «новых путей в кино», Каннский кинофестиваль был и остается важнейшим законодателем «киномоды» на год. Остальные фестивали лишь следуют намеченным им путем.

С прошлого года фестиваль учредил новую программу – «Все кинематографии мира», цель которой познакомить западного зрителя с неизвестными образчиками национальных киношкол. На каждую страну-участницу выделен один день, в течение которого каннская публика может ознакомиться с лучшими фильмами той или иной страны. В этом году одним из участников, наряду с Сенегалом и Израилем, станет Россия. Со времен «Русского ковчега» ни один отечественный фильм не удостоивался чести попасть в основной конкурс Канна, но само участие во внеконкурсной программе – уже удача. Поэтому к Русскому дню в Канне российские организаторы («Интерфест», Гильдия кинопродюсеров России и Федеральное агентство по культуре и кинематографии) подошли со всей серьезностью.

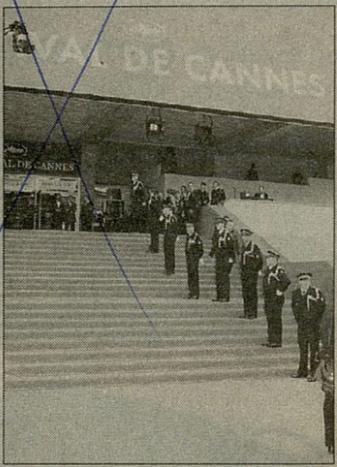
В программе Русского дня каннская публика сможет увидеть три полнометражные картины (самый успешный фильм прошлого года «9 роту» Федора Бондарчука, фестивальный хит «Космос как предчувствие» Алексея Учителя, экспериментальный арт-хаус «Пыль» Сергея Лобана) и семь короткометражек. При выборе последних представители фестиваля проявили завидное постоянство, отобрав по два фильма одних и тех же режиссеров. В фавор к французам попали уже известный фестивальному зрителю российский-швейцарский тандем Павла Костомарова и Антуана Каттена («Трансформатор» и «Мирная жизнь») и дебютантка, 22-летняя москвичка, ученица Марины Разбежкиной и главное открытие недавно прошедшего фестиваля реального кино «Кинотеатр. DOC» Валерия Гай Германики («Девочки» и «Сестры»). Оставшиеся три коротких метра – это «Охота на зайцев» Игоря Волошина, виковский киноопус о непростых солдатских буднях «Подсобное хозяйство» Егора Анашкина и созданный в необычной кино-живописной манере «Демон» известной питерской кинематографистки Ирины Евтеевой.

Большинство из понравившихся канским отборщикам фильмов, начиная от «Пыли» – призера прошлогоднего «Кинотеатр. DOC» и заканчивая фильмами Валерии Гай Германики, попали в сферу внимания профессионалов благодаря своему участию в фестивале реального кино. Там отборщики МККФ в прошлом году заметили «Пыль» и пригласили ее в параллельный конкурс, там же «засветились» Волошин и Костомаров с Каттеном, а в этом году юная дебютантка с необычным именем и большими амбициями Гай Германика.

Если оставить в стороне созданные на злобу дня, обласканные фестивалями и прессой агитки Майкла Мура («Боулинг для Колумбины» и «Фаренгейт 9/11»), можно утверждать, что лучшие фильмы последних лет стерли четкую грань между традиционным игровым и документальным кино. Непрофессиональные актеры, цифровая техника, отказ от павильонов, относительное пренебрежение к визуальному ряду, а главное, герои и их истории – все это в значительно большей мере связано с документальным кино, чем с художественным. Бывшее долгое время на обочине мирового кинопроцесса документальное кино умудрилось сохранить первоприроду кинематографа. Этим можно объяснить его неожиданную популярность.

Выбор Канна – лишнее подтверждение этой тенденции.

Станислава Беретова

Та самая канская лестница

21.05.06
998
Акунин Борис

Фикция по имени Эраст Фандорин стала серьезной частью массового сознания. Как Буревестник Горького в начале века